

**You have downloaded a document from
RE-BUŚ
repository of the University of Silesia in Katowice**

Title: Leksika predydusego sostoania v aspekte izucenia izmenenij leksiceskogo sostava sovremennogo azyka

Author: Petr Cervin'skij

Citation style: Cervin'skij Petr. (2011). Leksika predydusego sostoania v aspekte izucenia izmenenij leksiceskogo sostava sovremennogo azyka. W: A. Zych, U. Widacha, O. Nowak, O. Małysa, J. Darda-Gramatyka (red.), "Russkij azyk v pol'skoj auditorii. T. 3" (S. 25-41). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

Uznanie autorstwa - Użycie niekomercyjne - Bez utworów zależnych Polska - Licencja ta zezwala na rozpowszechnianie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie w celach niekomercyjnych oraz pod warunkiem zachowania go w oryginalnej postaci (nie tworzenia utworów zależnych).

UNIWERSYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Пётр Червинский

Катовице

Лексика предыдущего состояния в аспекте изучения изменений лексического состава современного языка

Изучение языка в его новейшем, последнего времени, состоянии для того, чтобы быть понятным в своих особенностях, должно учитывать, хотя бы в виде тенденций и проявлений, наиболее значимые черты состояния предыдущего. В условиях стремительно происходящих (осуществивших себя) процессов языкового развития, характерных для языков Восточной Европы, в том числе и для русского, в конце XX—начале XXI веков, такая необходимость приобретает особую остроту. Перераспределение и заметные сдвиги, в первую очередь, в лексике, связываемые с изменениями в ее активном и пассивном составе, становятся причиной культурно-исторического разрыва, способного привести к утрате живой, ощутимой связи с предшествующими этапами и поколениями. И, как следствие, к непониманию, ущербному либо неверному пониманию предыдущего социального опыта, а тем самым, и к коммуникативным помехам и нарушениям. Другой стороной такого наглядного изменения, наблюдаемого в короткой временной про- и ретроспективе, может стать ощущение живой материи языка в ее динамике, открывающее возможность для изучения и понимания процессов языкового развития в закономерных его особенностях.

Немаловажной стороной происходящих в языке на рубеже двух столетий преобразований является также и то, что они оказались следствием изменений в ментальности, отразивших себя в системе общественных представлений, приоритетов, оценок, значимостей, а с этим в языковой картине мира и языковом сознании. Следствием всего этого становятся изменения в процессах порождения, восприятия и понимания

речи, ключ к осознанию которых отчасти может себя объявить в характере осуществивших себя преобразований лексического характера.

Отмечаемые исследователями сдвиги и изменения значительных по своему составу словарных пластов, вызванные к жизни стремительными общественными переменами¹, могут дать материал для суждений не только о лексике и законах языкового развития, но и характере изменений общественного сознания. Возможность, не слишком часто предоставляемая и наблюдаемая в столь сжатом виде и в столь короткий период времени в истории и в языке, а потому заслуживающая внимания и изучения.

В современной русистике немало сделано для как можно более полного и всестороннего описания и представления произошедших на рубеже веков изменений². Достигнутый уровень этой разносторонности, а также собранный и описанный лексический материал позволяет ставить вопросы дальнейшего, более углубленного, рассмотрения, имеющего как общетеоретический, так и практический выход и смысл. С одной стороны, представлялось бы важным и показательным осмысление того, что именно объявило себя в результате всех этих изменений как новое и закрепило затем себя, уже как не новое, и довольно скоро, в общественном, в языковом сознании и в языке. Равным образом как и то, что исчезло или только нейтрализовало себя, перейдя или же уходя в пассив, отчасти еще как знакомое и известное, отчасти уже как бы и не совсем и не всем, — в чем и как и в какой своей части? А с другой, не менее важным и значимым, имеющим свою далеко не одну познава-

¹ Г.Н. Складаревская: *Введение*. В: *Толковый словарь русского языка XX в. Языковые изменения*. Санкт-Петербург 1998, с. 8.

² Среди работ, посвященных данной проблеме, см., напр.: *Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики*. Ч. I. Москва 1991; Ю.Н. Караулов: *О состоянии русского языка современности: доклад и материалы почтовой дискуссии*. Москва 1991; *Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект*. Отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев. Москва 1993; Л. Ферм: *Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет)*. Uppsala 1994; В.Г. Костомаров: *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Москва 1994; А.Д. Дуличенко: *Русский язык конца XX столетия*. München 1994; В. Нечаева: *Изменения в лексическом составе современного русского языка и нарушение узуса*. В: *Русский язык в переломное время: 1985—1995*. München 1996; *Русский язык конца XX столетия (1985—1995)*. Отв. ред. Е.А. Земская. Москва 1996, 2000; Г.Н. Складаревская: *Русский язык конца XX века: версия лексикографического описания*. В: *Словарь. Грамматика. Текст*. Москва 1996; *Русский язык сегодня*. Отв. ред. Л.П. Крысин. Москва 2000; Н.С. Валгина: *Активные процессы в современном русском языке*. Москва 2003; Ю.А. Бельчиков: *К изучению речевых новаций в русском литературном языке конца XX — начала XXI столетия*. В: *Славистика. Синхрония и диахрония. Сборник научных статей к 70-летию И.С. Улуканова*. Ред. В.Б. Крысько. Москва 2006 и др.

тельную и историческую достопримечательность и примечательность для обучения языку, имело бы представление о том, что еще так недавно было и чего уже, по крайней мере в том самом и прежнем виде, как бы и нет, но что еще где-то там существует, в языковом сознании и языке, но где и как, и в каком своем виде?

Отмечая происходившие на рубеже 80—90-х годов XX столетия явления в лексике, О.П. Ермакова обратила внимание на процессы деактуализации, деидеологизации, деполитизации, с одной стороны, и активизации, политизации, метафоризации, с другой, что в известном смысле можно было бы рассматривать как следствие разрушения прежней смысловой корреляции и возникновение новой³ под действием социально-политических процессов и меняющихся общественных отношений. Слова перестают обозначать советские реалии и а) либо устаревают, уходят в пассив (*горком, облизполком, воскресник*), б) либо утрачивают, бывшие для них типичными, значения советского времени, становясь в соответствующих значениях семантическими архаизмами (*партия* в значении 'коммунистическая', *треугольник* 'комиссия, состоящая из руководителя, секретаря парторганизации и председателя профсоюза', *призывы, характеристика, установка, сигнал, ответственный, невыезной*), в) либо, деидеологизируясь, утрачивают прежние идеологические приращения и коннотации (*бизнес, советолог, конкуренция, миллионер, диссидент, частник, собственник*)⁴. Одновременно с этим наблюдаются встречные течения, связанные с появлением новых актуализируемых, политизируемых, коннотируемых единиц. Процессы эти связываются с существующим (впрочем, и существовавшим) идеологическим расслоением в обществе, вышедшим на поверхность и получившим на какое-то время способность публично себя выражать. В связи с чем некоторые из этих слов могут иметь далеко не сходные семантические и коннотативные сопровождения в зависимости от политических и социальных предпочтений субъекта речи. Идеологизируемые и деидеологизируемые единицы советского и постсоветского периода развития русского языка, тем самым, становятся средством выражения той или иной идеологической ориентации.

Состояние перехода, отображающего и выражающего себя в общественном и политическом словаре, имеет фазы, в изменяющемся и отчасти поступательном перемещении которых можно отметить то, что условно выглядело бы как начало, с его демонстративным отказом от прошлого, и то, что можно воспринимать как его стабилизирующий новое состояние конец, опосредованно или прямо снимающий остро-

³ О.П. Ермакова: *Семантические процессы в лексике*. В: *Русский язык конца XX столетия...*, с. 33.

⁴ Приводимые примеры см.: Там же, с. 34—35.

ту отвергающего начала. Обе эти фазы, как тенденции и признаки, могут присутствовать на каждом этапе подобного перехода одновременно. Предметом предлагаемого рассмотрения были особенности, характеризующие фазу, а также направленность, отрицания, отказа от прежнего, в данном случае советского, советизированного, публично-общественно-идеологического положения вещей. Того положения, которое формировало представление о действительности, укладываемое в позиции, к которым вырабатывалось и существовало отношение одобрения, неодобрения либо насмешливо-отстраненного безразличия. Материалом рассмотрения были отмеченные идеологически, негативно окрашенные обозначения людей, определяющие их положение в формируемом в общественном сознании представлении действительности, устойчиво и не случайно, а для наших целей также и значимо, называемой советской.

Лексика, о которой речь, заряженная десятилетиями воздействия не только идеологии и пропаганды, но и самими условиями создаваемой жизни, менявшими представления и смысл, а тем самым, и языковое сознание говорящих, эта лексика не может сразу уйти и не уходит вся целиком в пассив. Такой уход, а точнее переход, обозначаемый в литературе как преобразования и трансформации в семантике и сочетаемости, связанные с усилением функциональной мобильности языковых единиц⁵, имеет следствием различные по силе и уровню отображения, которые можно было бы, при известной доле условности, уложить в последовательности, если не в полной мере градационной, то все же предполагающей некоторую дифференциацию в степени. Если представить (условно) словарь языка советского времени как некую целостность в его отношении к признаку связи с советской спецификой (опять же условно, поскольку эту специфику необходимо было бы определить), то что-то в нем, какую-то его часть, можно было бы обозначить и воспринять как ядро, а все остальное — как постепенно от него удаляющуюся в разных своих пластах и частях периферию. Учитывая организуемую, во многом сознательно, системность идеологизированного построения отображенной в сознании и языке конструкции, называемой советской действительностью, в таком подходе к предмету ничего ни противоречивого, ни несообразного нет. Результатом падения подобного рода конструкции, ее ухода с общественной сцены, окажется не исчезновение ее из общественного и языкового сознания, как можно было бы предполагать, а трансформация в какие-то новые положения и состояния, предполагающие своего рода трассирующий, инертно осуществляемый и на

⁵ Е.В. Какорина: *Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале газет)*. В: *Русский язык конца XX столетия...*, с. 67.

завершающий себя однозначно и окончательно переход, временно останавливающийся, задерживающийся на какой-то и в чем-то себя воплотившей и выжидательной стадии. Причину этому следовало бы искать в инертности массы общественного и языкового сознания, не способного к быстрым и резким сменам и переменам, в неполной явности, уровневости, градуальности проникновения и насыщения лексики признаками советизированных представлений и впечатлений и, наконец, в самой особенности исследовательского подхода и лингвистического взгляда на свой объект, т.е. язык, не случайно и очень точно определяемый понятием среза. Иными словами, того, что дает представление, открывает вид остановленного движения, выхваченного момента не заверщенного, впрочем, и не завершающего себя живого процесса языкового развития.

Подходя к изучению интересующей нас лексики в обозначенном отношении, имело бы смысл учитывать все эти три составляющих, с одной стороны, обуславливающих возможный и получаемый результат, а с другой, принимающих от него свои неизбежные следствия. Изучая лексику состояния перехода, вызванного изменениями в общественной жизни, вольно или невольно мы получаем по крайней мере трехмерные данные — в отношении общественного и языкового сознания до и после подобного перехода, в отношении устройства и функционирования словаря языка, в его ядре и перифериях, активном и пассивном составе, и, наконец, в отношении особенностей и способности взгляда, т.е. исследовательского, изучающего и обучающего подхода к явлениям языка. Три этих аспекта и три результата стоит иметь в виду при обращении к подобного рода языковому материалу.

Степень освобождения лексической единицы от компонента, связываемого в ней с показателем советизированности, зависит от обозначаемого единицы, его вида и актуальности в языке советского времени. Однако это только общее правило. Характер ее подобного рода отмеченности обуславливается также сигнификативной и коннотативной маркированностью, организованностью семантики, оценочностью, ассоциативностью и сочетаемостью. Со всем тем, что можно было бы определить, уложив в представление **степень и вид узуальной причастности языку советского времени**. Изучение этого представления во всей его полноте — задача, требующая немалых и всесторонних усилий. В настоящей статье лишь самым беглым и не подробным образом предполагалось только коснуться этой проблемы, остановившись на некоторых возможных группах, выделяемых на основании вида и степени узуальной причастности, в пределах слов, выступавших (и выступающих) советски маркированными обозначениями человека.

1. Первую подобного рода группу могли бы представить слова с явно выраженными и ощутимыми маркерами советской причастности, ак-

тивного некогда словоупотребления, воспринимаемые как знаки, приметы советского времени, прочно ассоциируемые с соответствующими оценками, идеологическими и политическими периодами, кампаниями, очередными задачами, установками и проработками. Часть из них, в соответствующем советском значении, уходит в пассив, в котором ряд из них забывается, нередко теряя или стирая некогда бывшую в них советскую выраженность, часть, оставаясь в целом в активе, становится менее употребительными или привязываемыми к определенного рода контекстам, не всегда специфично советским, но особым каким-то образом оценочно-коннотируемым. И, наконец, еще одна, и немалая часть, иногда оставаясь, а иногда уже как бы и нет, для языкового сознания связываемой с советской спецификой (нередко требуя или предполагая для этого оживляющих память контекстов, аллюзий, намеков), подвергается трансформирующим лексическое значение преобразованиям, привязывающим слово к реалиям постсоветской действительности, нередко также и отрывающим его от советского прошлого.

Первую группу, тем самым, можно было бы разделить на четыре подгруппы с дальнейшим подразделением (которое в силу неоднозначности, многомерности и незавершенности материала в реализациях, но не в самих позициях, следовало бы определять, особенно в ряде случаев, как условное и не единственное):

- 1.1. слова-советизмы, уходящие как таковые в пассив, но еще памятные (в различной степени) для языкового сознания — *авральщик, господчик, лакировщик, подписант, уравниловец, церковник, штурмовщик*⁶;
- 1.2. забывающиеся слова-советизмы, теряющие либо стирающие для языкового сознания свою советскую выраженность а) уходящие при этом в пассив — *беспорточный, лабазник, окруже-*

⁶ Приводимые здесь и далее единицы следует воспринимать в их советски ориентированных значениях, не всегда отражаемых в достаточно очевидном виде в существующих словарях. Поскольку их представление, с необходимыми объяснениями и комментариями, заняло бы немало места и отвлекло от решаемой задачи, отсылаем читателя к лексикографическим источникам, на материале которых подобное представление в совокупности можно в некотором приближении получить: *Толковый словарь русского языка*. Ред. Д.Н. Ушаков. Т. 1—4. Москва 1935—1940; *Словарь русского языка*. В 4-х томах. Ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд. Москва 1981—1984; В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина: *Толковый словарь языка Совдепии*. Санкт-Петербург 1998; *Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения*. Ред. Г.Н. Складчиков. Санкт-Петербург 1998; Ж. Росси: *Справочник по ГУЛАГу. В двух частях*. Изд. 2-е, доп. Москва 1991; *Большой толковый словарь русского языка*. Ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург 2000. Подробное описание рассматриваемых в данной работе лексических единиц содержится в подготовленном к печати и составившем основу данного представления учебно-образовательном словаре: П. Червинский: *Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц*.

- нец, отверженец, отзовист, подпанок, подручник, сподручник;*
 б) не обязательно в него как слова уходящие — *перерожденец, подручный, сподручный, пораженец;*
- 1.3. слова, остающиеся в активе, но становящиеся менее употребительными а) со специфично советской — *антисоветчик, диссидент, инакомыслящий, космополит, неблагонадёжный, невыезженной, попутчик, элемент* либо б) не исключительно или не обязательно — *гегемон, левак, несун, оппортунист, правозащитник, ренегат, ястреб* оценочностью и коннотацией;
- 1.4. трансформирующие свои советские в прошлом значения слова а) все еще связываемые — *агитатор, активист, аллилуйщик, антиобщественник, белогвардеец, белый, буржуй, дифирамбщик, загибщик, зажимщик, комитетчик, контрреволюционер, краснюк, кулак, лишенец, мешочник, мироед, перегибщик, подкулачник, прижимщик, примазавшийся, ревизионист, самогонщик, середняк, спекулянт, срывщик, стиляга, топтун, топотун, троцкист, угнетатель, фракционер, эксплуататор* либо б) уже и не обязательно связываемые без соответствующих контекстов с советской спецификой, без окончательного разрыва — *аппаратчик, невозвращенец, номенклатурищик, отказник, последний, стукач, уклонист, украшатель, фарцовщик* либо с уже ощутимым разрывом (в различной степени) с советским прошлым — *единоличник, лавочник, либерал, наёмник, отщепенец, перестраховщик, подзаборник, потребитель, хозяйчик.*

2. Вторую группу, в контексте рассматриваемого движения-перехода, можно было бы определить как слова (сочетания слов) возможные в своем употреблении, своего рода потенциально, как не советские, однако в силу бывшей для них характерной активности в языке советского времени, как правило с соответствующей коннотацией и оценочностью, их такое использование для языка последнего времени в целом не характерно. Слова эти вне советски маркируемых оценочных употреблений (в целях соотнесения с прошлым либо для передачи соответствующих коннотаций), как правило, не встречаются. Можно было бы говорить о деактуализации слов данной группы для речевого использования, с переходом их в разряд малоупотребительных, не слишком часто встречающихся и даже редких.

Подразделение слов этой группы затрагивало бы три показателя — степень связанности с типично советскими ориентированностью и коннотацией, сохранение их и заряженность ими (1), возможность наличия освобожденного от советизированных маркеров и ориентиров значения (наряду с сохраняющимся ориентированным) и его большая или меньшая определенность, понятность и очевидность для говорящих (2) и, на-

конец, их большая или меньшая, как следствие из всего этого, известность (3), но не активность живого употребления, а стертость или, наоборот, нестертость как тех единиц, которые остаются как бы на переходе, в некоторой промежуточной стадии, отчасти уйдя, но еще как бы и не до конца, в пассив, оставаясь в активе знания (хотя опять же вопрос — для кого, для какого слоя и возраста говорящих?), но не в активе употребления. Три критерия, по-разному соединяясь, дают возможность для выделения четырех подгрупп:

- 2.1. слова довольно активного в прошлом советского словоупотребления, способные в целом использоваться в освобожденных значениях и имеющие (имевшие) их, но, как правило, в силу прошлой своей активности, в языке последнего времени избегаемые, хотя и возможные, как с советскими смысловыми и коннотативными сопровождениями, так и без таковых, — *беспартийный, вульгаризатор, двурушник, идейный, мещанин, обыватель, растратчик, расхититель, рупор, саботажник, служитель культа, сорняк, фальсификатор, хаятель, хулигатель*;
- 2.2. слова, уже несколько стершие свою советскую маркировку, но, в силу новых условий, либо утратившие свою актуальность, как не нашедшие места в новой действительности (актуальность утратили их означаемые, хотя, возможно, и не ушли), либо по семантическим или коннотативным причинам вытесненные другими, более подходящими, а потому, хотя и возможные и иногда, может быть, и встречаемые, но значительно ограничившие свою частотность и употребительность — *диверсант, критикан, отравитель, очковтиратель*;
- 2.3. слова, в своих значениях и коннотациях как советские вроде и не воспринимаемые, в силу своей либо периферийности в языке советского времени — *инсинуатор, осквернитель*, либо активности, обусловленной в большей или меньшей степени периодом советской истории, т.е. активности ограниченной — *злоухатель, лизоблюд, переносчик слухов, писун, пособник, пошляк, приобретатель, разносчик (сплетен, слухов)*, однако мало и редко встречаемые в языке последнего времени, как по причине несоответствия свойственной им оценочности, так и в силу ошутимости в них духа прошлого;
- 2.4. слова, остающиеся для языкового сознания словами советского времени и его периодов, не обязательно уходящие при этом в пассив, способные (потенциально) употребляться вне советски маркированных употреблений, хотя в целом им это не слишком свойственно, в силу ли историчности — *бай, басмач, бывший*,

фриц, в силу ли постепенной стираемости для языкового сознания номинативных и мотивирующих поводов и причин такого обозначения — *капитулянт, летун, мастерюга*.

3. Третью группу могли бы представить слова, воспринимаемые теперь как не специфично советские либо с остаточной советизированной отнесенностью, однако в целом малоупотребительные, нередко воспринимаемые как устаревшие. В эту же группу имело бы смысл отнести трансформируемые слова, меняющие свои значения, возникшие или же возникающие как новые (или не новые), замещающие прежние устаревшие и их вытесняющие. Общий, объединяющий признак группы в этом случае состоял бы в идее потенциальной трансформативности, по-разному осуществляющей себя в речи и языке — от возможности новых использований, далеко не всегда проявляемой, через более или менее регулярные проявления до возникновения новых (возобновляемых, восстанавливаемых) значений, закрепляемых затем в языке. Причем значения эти могут себя объявлять как развитие, продолжение прежних, их дериваты, и как образования на основе других мотивирующих отношений. Возможное подразделение слов этой группы предполагало бы:

- 3.1. деактуализацию означаемого, с вероятным перемещением слова в пассив и восприятием его как историзма, с частичной либо остаточной возможностью к трансформации и переосмыслению (обновлению семантики) — *богоискатель, богостроитель, всепрощенец, непротивленец, толстовец, примиренец, упрощенец*;
- 3.2. деактуализацию не столько, может быть, самого означаемого, сколько устойчивого, устоявшегося, советским словоупотреблением закрепляемого, представления о нем, сопровождаемого соответствующей оценкой и коннотацией (сигнификативно-коннотативный характер маркированности), с большей — *вешатель, нигилист, пенкосниматель, перевертень, пережиток* и меньшей зависимостью от нее — *приспешник, умиротворитель, членовредитель*;
- 3.3. деактуализацию внутренней формы, мотивирующей основы той отнесенности, которая составляла особенность слова в период его использования в языке советского времени в специфической для него оценочности — *половинщик, порицатель, чинопочитатель, чревовещатель*;
- 3.4. как следствие и дальнейшее развитие предыдущего — трансформацию, переосмысление прежней, советски маркированной, внутренней формы, с использованием ее в качестве мотивирующей основы новых значений (точнее было бы сказать, значе-

ний нового времени, отчасти как новообразований) — *ликвидатор*⁷, *миротворец*⁸, с освобождением ее от прежних коннотативных сопровождений, при сохранении как основы того же значения, но сигнификативно и коннотативно переосмысленного — *предприниматель*, с утратой, перемещением одного из значений, того советского, в едва ощутимый пассив — *хвостист* (последователь *хвостизма*), *целитель* (берущийся за оздоровление общества демагог-шарлатан).

4. Четвертую группу могли бы представить слова, в целом как бы утратившие непосредственную связанность с языком советского времени, в разной мере в прошлом активные в нем и достаточно для него характерные в своей как денотативной, так и сигнификативно-коннотативной части. Слова эти продолжают и могут употребляться не столько при этом в освобожденном от своего советского наполнения виде, сколько по некоторой речевой инерции, прямо вроде бы и не соотносясь с речевыми контекстами употребления прошлого, но сохраняя в себе ему свойственную внутреннюю ориентированность. В известной мере это слова (как речевые узуальные словоупотребления), перешедшие в язык последующего состояния из языка советского времени без существенных изменений семантики, оценочности и коннотаций, в новых контекстах и речевых ситуациях, в новом тематическом, общественно-идеологическом и политическом окружении воспринимаемые как слова теперь не типично советского языка. Можно было бы выделить три узуальные возможности в отношении этих слов: 1) употребление по инерции, без особого ощущения свойственных им характеризующих признаков; 2) употребление их в целях обращения к советскому прошлому, своего рода как узуальная реконструкция (напоминание) прежнего состояния либо аллюзия; 3) сознательное или не слишком сознательное избегание их и стремление к замещениям либо использование с ощущением создаваемого ими коммуникативного неудобства, обусловленного их коннотативно-оценочным и сигнификативным фоном, свойственной им заряженностью. Их дальнейшее подразделение предполагало бы:

⁷ О.П. Ермакова определяет процесс перехода этого слова из советизма в обычное слово как возвращение к прежнему значению с дефразеологизацией и актуализацией прежней словообразовательной модели — *ликвидаторы последствий Чернобыля*. О.П. Ермакова: *Семантические процессы...*, с. 37—38.

⁸ Ср. толкование и особенно употребление этого слова, советское и постсоветское, согласно *Словарю* под ред. Д.Н. Ушакова (Лицо, способствующее сохранению или восстановлению мира. *Играть роль миротворца*) с пометами книжн. устар. ритор., теперь чаще ирон. и *Толковому словарю конца XX в.*: Публ. Тот, кто занимается миротворческой деятельностью, участвует в миротворческой акции. *Войска ООН выполняют роль миротворца в горячих точках планеты*.

- 4.1. осязательную в них советизированность, соотнесенность с прошлым, при осознании того, что сами эти слова советизмами как таковые не выступают и могут использоваться вне наращений советского прошлого, являясь словами общего, в том числе разговорного языка — *алиментщик, анонимщик, валютчик, жалобщик, законник, идеалист, индивидуалист, кляузник, красноречивый, материалист, начётчик, несознательный, низкопоклонник, подтасовщик, порубщик, прогульщик*;
- 4.2. свойственную им в прошлом и вызванную советскими обстоятельствами оценочность, сохраняемую нередко в употреблении в условиях также и постсоветской действительности — *барыга, вырожденец, долбонос, доходяга, крючокотвор, куркуль, лоботряс, матюгальник, мошенник, неплательщик, непрописанный, образованный, партизан, прожектёр, садист, самозастройщик, собственник, старатель, стяжатель, сутяга, сутяжник, трепач, фальшивомонетчик, шептун*;
- 4.3. оценочность идейного, политического или «классового» противника (как следствие тематической биполярности языка пропаганды), следующую не столько из обстоятельств советской действительности, сколько из восприятия «не своего» и его неприятия в поведении, обращении, взглядах, жизненных целях, средствах их достижения и т.п. — *громкоговоритель* (раздражающий своим говорением не по делу, идейно сомнительно, громко), *двуликий, двуликий Янус, каратель, милитарист, националист, оппозиционер, увещатель, усмиритель, фашист, хищник, частник, шовинист*;
- 4.4. стертую, обычно не ощущаемую маркированность в не слишком частых в целом употреблениях, нередко являющихся следствием, проявлением прежних, содержащих в себе в разной степени вероятные советизированные оценочно-коннотативные или системоценностные знаковые следы — *благодетель, благожелатель, блюститель, гонитель, моралист, мыслитель, наблюдатель, нарушитель, писатель* (тот, кто пишет много и не то, что бы следовало, с осуждением и неприязнью), *преследователь, созерцатель, сочинитель, спаситель* (претендующий на спасение общества), *эгоист*.

5. Пятую группу составляют слова, утратившие как таковые свою соотнесенность с языком советского времени, но в силу их довольно высокой в нем значимости, которую можно было бы определить как знаковую и символическую, в отношении объявлявшихся негативными качеств, характеристик и свойств человека, их использование в языке постсоветского времени содержит в себе, и нередко, весьма осязательную преж-

ную обращенность. Слова эти, хотя и в различной степени, продолжают существовать как бы в двух узуальных проекциях, и современное их использование поэтому неизменно тянет советские представления, ассоциации, воспоминания, оценки и коннотации, создавая в них своего рода имеющуюся в виду либо чувствующуюся, осознаваемую подоплеку языка советской действительности и одновременно того, что можно было бы определить понятием советской языковой картины мира. Дальнейшее подразделение в этой группе предполагало бы:

- 5.1. сильно заряженные оценкой того, что в советской картине мира можно представить как отвергаемое, относимое к сфере неприемлемого антагонизма, из чего следует резко впечатавшаяся в языковое сознание советизированность этих слов — *авантюрист, агент, бандит, болтун, вредитель, изменник, клеветник, оборотень, осведомитель, перебежчик, перевёртыш, провокатор, шпион*;
- 5.2. менее ярко выраженные как сугубо советские употребления, относимые к сфере не столько антагонизма, сколько морального отстранения, идейного неприятия, осуждения — позиции, свойств, поведения и характера человека, а не прямо направленных, намеренных или полунанмеренных, антисоветских и антиобщественных действий угрозы-подрыва как свойств-проявлений в нем — *анекдотчик, враг, герой* (в ироническом смысле), *правдоискатель* (как недовольное и осуждающее), *предатель, прихвостень, прихлебатель, сионист* (как синоним империалисту), *человеконенавистник*;
- 5.3. не собственно советские по природе своей, но в языке советского времени с соответствующими сигнификативными и коннотативными сопровождениями и характеристиками довольно активно использовавшиеся, в силу чего, и теряя или несколько нейтрализуя их, продолжают в этих своих наращениях ощущаться — *головотяп, графман, дармоед, демагог, иждивенец, паразит, пачкун, подстрекатель, приспособленец, рвач, склочник, соглашатель, трутень, туеядец, хапуга, хрипун, шабашник, шкурник*;
- 5.4. утрачивающие либо стирающие в себе некогда бывшие, если не непосредственно в языке советского времени появившиеся привязки, то в нем себя проявившие, меняя их советизированный характер и смысл на какой-то другой, далеко не всегда восстанавливаемый из внесоветского существования в языке, но при этом почти всегда неизбежно следовый — состояния перехода, предполагающего не до конца себя осуществивший отрыв от прошлого и не до конца себя завершивший процесс вхождения

в настоящее — *грамотный* (в выражении *Тоже мне грамотный (отыскался)!*), *деляга, добытчик, отстающий, проситель, сознательный, троцкий, чинуша*.

6. Шестую группу составляют слова, в языке советского времени, со свойственной для него окраской и характеристикой хотя и использовавшиеся, но довольно легко от нее избавляющиеся, поскольку представляли собой актуализируемые словоупотребления с привязкой к советской действительности единиц, языку в его советизированной форме как таковые не свойственные. В связи с чем, перестав в соответствующих контекстах, идейных и тематических сопровождениях и включениях употребляться, они, нередко все же теряя активность и актуальность советского прошлого, в языке наступившего затем состояния используются без прочных ассоциаций с ним, а потому и не отторгаются, как им специфически не заряженные. Дальнейшее подразделение слов этой группы могло бы учитывать характер их прежней ориентированности, объявляющий себя в разной степени и способный к актуализации:

- 6.1. в отношении действий и проявлений со стороны субъекта, подвергавшихся осуждению, неприятию, резкой оценке, воспринимаемая как следствие советских жизненных и(ли) системой предполагавшихся обстоятельств — *бракодел, буквалист, буквоед, бумагомарака, бумагомаратель, бюрократ, ваятель* (производитель чего-л. воспринимаемого как сомнительное и неодобряемое), *взяточник, волокитчик, грабитель, делец, деловой, деятель, доносчик, дурильщик, дятел* (стукач), *интриган, карьерист, комплиментчик, конъюнктурщик, крикун, лизун, лицемер, ловкач, лодырь, любитель, наушник, подражатель, подхалим, поклёпчик, политикан, понукальщик, сплетник, сыщик*;
- 6.2. в отношении не столько действий, сколько позиции, состояния и характера, не объявляющих себя как привязанные к советской специфике, возможные как таковые и вне ее, в советском контексте и с соответствующей ему точки зрения не одобряемые как проявления антиобщественные — *беспаспортный, босяк, вор*, достойные осуждения в силу их агрессивности — *вояка, громила, душитель, изверг, погромщик*, неприемлемые для концепции нового человека, противоречащие желаемым объявляемым свойствам — *раб, скоморох, слуга*, не одобряемые как способные внести нарушения в создаваемый общественный строй — *крохобор, правдолюб, правдуроб, самозванец, фрондёр*;
- 6.3. в отношении внутренних и поведенческих свойств, в советской действительности и советской концепции человека воспринимавшихся как нежелательные, создающие неудобства либо являющиеся проявлением неприятия, несоблюдения ее моральных

и социальных норм — *аккуратист, артист, бездельник, висельник, волюнщик, говорун, горлодёр, горлопан, горлохват, гуляка, дебошир, дистрофик, дохляк, захребетник, интеллигент, клоун, матерюга, мозгляк, паникёр, писака, плясун, подкаблучник, попрыгун, портач, потатчик, пьяница, рифмач, самовольщик, сообщник, соучастник, трюкач, фокусник, халтурищик, халявщик, хулиган, циркач, чистоплюй, шантажист*;

- 6.4. в отношении свойств, которые можно было бы определить как аспектуальные, в контексте советской действительности и советского языка проявляющие себя как препятствующие и неудобные положения, создаваемые субъектом, в силу не всегда от него зависящих и не поддающихся корректировке особенностей, — *вольнослушатель, вымогатель, гад, головорез, гробокопатель, доброжелатель, знаток, индивид, индивидуум, неграмотный, недоброжелатель, обличитель, пацифист, притворщик, прорицатель, радетель, разоблачитель, рачитель, реформатор, сожигатель, указчик, утешитель*.

В особую группу, что не исключает возможности их отнесения в одну из шести представленных, можно было бы выделить единицы, обнаруживающие свою характерность лишь в сочетаемостях, фразеологизованного, клишированного либо контекстного типа, иногда обусловленных также и формой (множественного числа): *авторитет (дутый), аморальный (тип, товарищ), безыдейный (он человек), лакей, лакеи (буржуазии, империализма), мечтатель (бесплодный), палач (трудового народа, рабочего класса), пасквильант (подлый, низкий, грязный), поджигатели (войны), подрыватели (основ, устоев), прислужники (капитала, буржуазии), проститутка (политическая), сволочь (контрреволюционная, белогвардейская), убийцы (Кирова, в белых халатах), чиновник (бездушный)*.

Весьма специфическими и потому способными составить предмет отдельного рассмотрения, хотя и не обязательно с выделением в группу, являются единицы, характерные для речи какой-либо социальной, профессиональной, образовательно-возрастной или иной среды: *бурильщик, глубинный бурильщик, глубинщик (гэбист), графолог (дотошно изучающий подлинность подаваемого документа), гуталин, гуталинщик (Сталин), керосинщик (провоцирующий других к компрометирующим действиям), коллективщик (один из авторов коллективной жалобы-обращения), локатор (тайный стукач), толкач (проталкивающий дела и др.), удильщик (тайный наблюдатель, возможно, стукач), укротитель (суровый начальник)*.

Затронутые проблемы, связанные с изучением переходов и смены языковых состояний, являющихся следствием общественных перемен,

находя свое выражение в переустройстве и трансформациях языкового сознания, предполагают, как это следует из материала, довольно подробную и системную разработку признаков, ориентируемых к понятию языковой (и не только) картины мира. Для конца XX—начала XXI века в отношении русского языка такой картиной должна быть советская в сопоставлении с той, которая складывается и наступает после нее, не вырастая прямо, не продолжая, но и не в полной мере опровергая ее. Характер связей и отношений данного состояния с состоянием предыдущим, в случае не эволюционного, а скачкообразного перехода, предполагающего смену существовавших до этого оценочно-мировоззренческих парадигм, объявляет себя в различии семантических форм, допускающем определение меры 1) ухода в прошлое с переходом в пассив каких-либо значимых и маркированных единиц; 2) утраты признаков прежнего состояния, нейтрализации и замещения их другими (какими именно и почему?) в тех единицах, которые, теряя прежнюю актуальность, не переходят в пассив языка; 3) преобразования, обновления и трансформации признаков прежнего состояния без их утраты, с уточнением возможных и характерных видов и форм таких изменений для языковых единиц; 4) вхождения, перехода, возможно, с потерями в актуальности, но без существенных изменений в структуре смысла тех единиц, которые остаются в активе и могут в себе обнаруживать, в различной степени и в каких-то случаях (в какой и в каких?), ощутимые следы предыдущего состояния. Все эти, равно как и другие, проблемы, существенные для понимания и изучения языка в его отношении ко времени, к проявлению в действии и речевому использованию, подразумевались (никоим образом не разрешая себя) в том представлении групп с дальнейшим их подразделением, идея которых основывалась на постепенности перехода от состояния предыдущего к состоянию последующему на примере негативно окрашенных единиц, называющих человека. Мера и степень возможного освобождения от прежнего состояния и его следов, обуславливаясь семантикой денотативной и сигнификативной части (означаемое и общественное представление о нем), оценочностью, коннотативностью, системоценностными параметрами, в различных своих сочетаниях, отражает затем себя в том, что можно было бы схематично, без объяснения и уточнений, определить как знаковость (приметы и символы времени), прикрепленность (связь с условиями, обстоятельствами или периодами прошлой действительности и ее представления), трансформативность (способность к перестановкам и замещениям компонентов значения), инертность (сохранение в новом признаков прошлого), двумерность (возможная одновременность значений как настоящего, так и прошлого состояния), аспектуальная оборачиваемость (связанная с возможностью остаточных впечатлений, не обязательно явно

себя обнаруживающих, но где-то присутствующих и способных себя проявить в речевом сознании и(ли) в употреблении). Сочетание перечисленных признаков дает представление о возможности выделения типов и видов, основывающихся на соотношениях данного узуального состояния с предыдущим, предполагающих 1) более или менее знаковое и значимое оставление единиц в пассиве, 2) оседание их в прошлом, более или менее тесную связанность с ним, неполный или незавершенный уход, 3) изменение семантического состава, предполагающее обновление и неуход в пассив, хотя, возможно, и узуальную периферийность для нового состояния, 4) присутствие, более или менее остаточное, узуальных признаков прошлого без ухода в пассив, но с возможным ограничением употребительности, 5) возможную приблизительно равную одновременность узуальных значений двух состояний без ухода в пассив, 6) сохранение в активе с относительно легкой утратой признаков прошлого с возможностью узуального ориентированного обращения и возвращения к нему. Все это названное, равно как и следующее из него дальнейшее, требует подробного и основательного изучения, а также проверки, на самом широком материале. Задача данной статьи ограничивалась лишь указанием на проблему, имеющую как теоретическое, так и практическое значение при обучении языку.

Piotr Czerwiński

Leksyka poprzedniej epoki w aspekcie badań nad stanem współczesnego języka

Streszczenie

Artykuł poświęcony jest zjawisku częściowego przejścia do warstwy pasywnej tej części leksyki, która wykazuje związek z poprzednią epoką (językiem okresu radzieckiego). Obiektem analizy stały się jednostki językowe negatywnie oceniające człowieka. Zostały one podzielone na grupy ze względu na stopień i rodzaje leksykalnych (semantycznych, konotacyjnych, oceniających) zmian i transformacji, które — z jednej strony — warunkują przejście leksemów do słownictwa pasywnego, a z drugiej — sprzyjają ich adaptacji w języku nowej epoki. Zaprezentowany materiał pozwala na zbadanie zmian językowych, będących wynikiem przemian społeczno-politycznych, mających wpływ na zasób słownikowy, budowę i organizację leksyki zarówno w jej centrum, jak i na peryferiach, na relacje między słownictwem pasywnym i aktywnym oraz zderzenie starego z nowym.

Piotr Czerwiński

Lexis of the previous era in the context of studies on the condition of a contemporary language

Summary

The article is devoted to a phenomenon of a partial transition to a passive layer of this part of lexis which shows a relation with the previous era (the language of the Soviet period). The subject of analysis includes linguistic items evaluating man in a negative way. They were divided into groups according to the level and lexical (semantic, connotative, and evaluative) changes and transformations which condition a transition of lexemes to passive vocabulary on the one hand, and facilitate its adaptation in the language of a new epoch on the other. The material presented allows for investigating linguistic changes which are the result of socio-political changes, influencing a lexical store, structure and organization of lexis, both in its centre and peripheries, and relations between passive and active vocabulary, as well as a clash of the old with the new one.